

Госпожа президент граждан искусства

Израильское гражданство — в нашей стране вещь полезная. Прямо сказать — необходимая. Гражданство не обеспечивает, конечно, благосостояния, но позволяет гордо носить «теудат-зеут», официально устраиваться на работу и платить причитающиеся налоги. И в любой другой стране израильтяне, даже незнакомые, радостно узнают и приветствуют друг друга. Потому что мы общительны и в мире нас мало.

Совсем недавно в Израиле побывала представительница другой волшебной страны, которой пока нет на мировой карте. Эта страна особенная, не имеющая границ, не взимающая налогов и не ведущая войн. И гражданство своим подданным она предоставляет вне зависимости от места их проживания. Светлана Дион — основатель и первый президент Международной Ассоциации Граждан Искусства (МАГИ) рассказала «Глобусу» о новых проектах, которые готовят совместно израильские и зарубежные деятели искусств, поделилась воспоминаниями и планами на будущее. Её биография необычна: родилась в Ленинграде, училась в Хореографическом училище имени А.Я. Вагановой, в 80-е годы переехала в США, где стала профессиональной балериной, а кроме того получила высшее образование в Колумбийском Университете по специальностям «международный маркетинг» и «филология». Американская телекомпания RTN, вещающая на русском, выпустила о Светлане Дион двухсерийный документальный фильм «Поэтический полёт русской Терпсихоры». С 1999 года — живёт в Испании, в Мадриде. Автор четырёх поэтических сборников и романа, номинированного на российские литературные премии. Стихи и прозу пишет на четырёх языках: английском, французском, испанском и русском.

— Вы в самом деле считаете искусство отдельной территорией, отдельной страной, в которой возможно гражданство и гражданские обязанности?

— Искусство в моём понимании — это некая воображаемая страна, где говорят на универсальном вселенском языке души, переводя его на земные наречия музыки, поэзии, танца, живописи, театра. Люди, посвятившие себя творчеству — особые, одновременно с повседневной жизнью они обитают в невидимом отечестве, где посвящают себя чему-то большему, чем они сами. Творчество — это магия. Таинство вдохновения, равно как и загадка любви, — это всё об одном и том же: о подаренной свыше свободе души, заточенной в тюрьму плоти. Искусство — это родной язык цивилизации, язык души, такой же универсальный и вечный, как любовь. Там, где говорят на этом языке, есть место всем, независимо от земных различий и разногласий. Это всеобщее отечество — искусство. А наше МАГИ — добровольное международное объединение русскоязычных деятелей искусства, а также его любителей и покровителей. Наша цель — поддерживать и развивать единое культурное пространство русского зарубежья. Для этого издано несколько антологий литераторов МАГИ, организуются литературно-музыкальные встречи, творческие вечера. Мы проводили их, в частности,

в Российском культурном центре в Мадриде и в посольстве России в Испании.

— Что привлекло вас в Израиле? Как вы относитесь к нашей стране? Смогли бы вы здесь жить и работать?

— Для меня понятие «Израиль» имеет прежде всего духовный смысл. Это родина заповедей, подаренных человечеству, историческая библейская земля. В Израиле я в третий раз; впервые побывала в 2010-м. Удивительно ощущение пребывания на Святой земле, удивительное состояние — молиться у Стены Плача. Когда я впервые ступила на эту землю, у меня вырвалось: «Наконец-то!» А когда уезжаю — охватывает ностальгия, почти тоска. Не хочется расставаться. В этот приезд побывала с друзьями на Мёртвом море. На этот раз путь из Тель-Авива был труден: стояла жара около пятидесяти градусов, а в машине сломался кондиционер. При таких условиях ни в какой другой стране я ни на какое море поехать бы не отважилась; не решилась бы на трёхчасовой путь, чтобы окунуться в солёный кипяток. Но здесь... Я неоднократно заплывала в воду на пару минут, а потом стояла под холодным душем в восторге от такого контраста. В Израиле я чувствую себя прикоснувшейся к святыне, к началу начал любви и добра. Ну, а в литературном плане поездка тоже оказалась удачной: в Израиле я познакомилась со многими интеллигентными авторами, пишущими на русском языке. Будем готовить к выходу в свет новую антологию МАГИ.

— Вы много путешествуете, повидали разные страны. Где вам комфортнее всего?

— Мне комфортно в Испании по уровню жизни, климату, по безопасности и по близости к другим странам Европы. Конечно, комфортно там, где уютно душе, где живёт семья, любимые и родные люди, где есть любимое дело. Так сложилось, что моя семья на небесах, и любимый человек тоже. На земле мой единственный якорь — мой сын. И брошен этот якорь, по воле судьбы, в Испании. Ему уже почти пятнадцать лет, и он выше меня ростом. Остался со мной и балет — волшебное средство против горя. Я сих пор влюблена в балет. Утром по дороге в балетный класс еду час в машине, в пробках, а сердце ликует так, словно едешь на свидание к любимому. Этот праздник всегда со мной. Балет не умрёт, не заболеет, не прекратится...

— В советские времена многие члены Союза писателей могли прожить литературным трудом, в наши дни такая возможность доступна лишь единицам. В современной литературе на русском языке отчётливо различимы коммерческие тенденции. Коснулись ли эти тенденции вас? Что приносит вам литературный труд?

— Душевный покой и самоудовлетворение. И не только от публикаций своих стихов и прозы, но и от пропаганды других авторов... На своих презентациях с гордостью и радостью рассказываю об изданных антологиях. Бережно храню изданные с моей подачи публикации литераторов МАГИ. А заработки от книг почти все уходят на поездки и презентации. Если продажа книг на вечерах полностью или хотя бы частично окупает проезд — это уже хорошо! Ни балетом, ни книгами не про-

жить, если ты не коммерческий писатель, коим я не являюсь. Именно поэтому моя мама настояла, чтобы я получила в США высшее образование в бизнесе, в маркетинге, а не только в филологии и балете. Теперь у меня свой бизнес. В своё время я отклонила предложение издательства ЭКСМО сократить мой роман «Попрошайка любви», превратив его из духовно-фантастического в детективный, чтобы издать большим тиражом. В наступившем XXI веке всё, что угодно, можно прочитать в Интернете, сравнить переводы, критику и достоверность текстов на разных языках. И при этом издательства не боятся печатать в бумажном виде объёмные произведения, то есть книги, не предназначенные для чтения в поезде. Меня радует наличие в книжных магазинах Парижа, Барселоны, Мадрида, Лондона, Нью-Йорка, Москвы и Питера килограммовых книг в твёрдых обложках. Да, это настольные книги, — и они покупаются. Как экономист и маркетолог, я помню закон западного материализма, усвоенный в Колумбийском университете: supply

creates demand, то есть наличие создает востребованность, а не наоборот. Никто ещё не писал потому, что в мире не хватало бы стихов или рассказов. Но читают их потому, что их создали. Именно прозаики и поэты несут ответственность за создание литературного продукта и его доступность. Радостно, что купит эта тусовка, пишут всюду — кто во что горазд. Для меня любой искренний, пробуждённый порывом души стихотворец, пусть даже графоман, симпатичнее, чем умелый коммерческий писатель, пишущий на заказ, лишь бы заработать на покупку материальных ценностей. Продажность в искусстве недопустима. Искусство должно быть целомудренным и служить благородным целям; а использование таланта для наживы, славы есть искушение души. Возможно, именно поэтому небесные наблюдатели за нашими судьбами ограждают нас от соблазна тщеславия, и почти все гении становятся известными лишь после смерти. Задумывались ли вы об этом?

— То есть вы полагаете, что поэзия

делает наш мир лучше?

— С поэзией мы сильнее смерти и оков материального мира. С ней мы верны себе и свободны. Так мы едины с Создателем. Слово способно на великое воздействие, а поэзия тянет нас в мир высоких идеалов, утешает, даёт надежду. Искусство поэзии — это утончённое нетленное самовыражение человека через бесконечные сочетания слов. Это один из главных мостов между видимым и невидимым началом всех сущностей. Поэзия — некий моральный и эмоциональный маяк, корректор моральной точки отсчёта добра и зла. Поэзия делает нас чище и лучше, придаёт мужества, учит высшим идеалам и помогает трудной вере в нечто невидимое, но существующее. Поэзия нам дарована ещё и потому, что «Бог верит в человека даже тогда, когда человек не верит в Бога», — как написала героиня моего романа «Попрошайка любви» в своих «воспоминаниях после смерти».

— Ваш роман выпустил в свет издательский дом «Ретро» в Санкт-Петербурге, обозначив жанр как «духовно-фантастический детектив». Почему выбран именно такой жанр?

— Не я выбирала. Начала писать внезапно, и удивилась, что мозаичный сюжет сам собою склеился в витраж с духовной подоплёкой запредельных таинств и откровений на тему анатомии души. Я не думала о жанре, просто писала залпом, словно каскад информации струился. А детектив это потому, что есть интрига: расследование через сны, неслучайные совпадения и исторические документы. Опознанные в разных эпохах сущности под разными именами с одинаковой драмой судьбы. Книгу номинировали на премию «Национальный бестселлер». Критики в газетах даже сравнивали меня с Реверте и Коэльо. Но главное — было столько писем от читателей! Я рада, что роман помог многим женщинам пережить утраты, помог надеяться и верить, что наши близкие бессмертны.

— Вы — открытый и доброжелательный человек. Есть ли у вас завистники, противники? В чём они могут позавидовать вам, о чём позлословить?

— Странно, но меня либо беспричинно любят и тянутся дружить, либо терпеть не могут и всячески злословят, выдумывая на редкость комичные версии. Среди них самая интересная, пожалуй, что мой роман написан не мною, а сразу несколькими купленными авторами. Я воспринимаю это как комплимент и высокую похвалу. Роман написан от нескольких лиц, и одна душа в разных эпохах своих воплощений должна говорить и мыслить по-разному. Судя по такому комплименту, это удалось! Говорят: «не сотвори добро — не получишь зла». Однажды, когда предала подруга, у меня вырвалось: «Да не столько я тебе добра сделала, чтобы так по-чёрному мне нагадить»... Зависть мучает тех, кто не радуется тому, что дано, а оплакивает то, чего не дано или отнято. Об этом помог мне догадаться мой бывший испанский муж: на его вопрос, какой в Испании национальный спорт, я уверенно ответила, что футбол. Он поправил назидательно: «Нет! Зависть!» Но, думаю, это не только в Испании.

Андрей ЗОИЛОВ